

**СЕМИОТИКА ТЕКСТА:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАГМАТИКИ КОММУНИКАЦИИ**

С. П. Рубцова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 апреля 2022 г.

Аннотация: *в статье анализируется проблема выделения субъектов коммуникации, а также процесс порождения самой коммуникации и смысловых интенций. Смысловые коды, субкоды могут участвовать в различных социокультурных обстоятельствах. Сообщение может представлено как некий текст, отличный от предпосылок (абдукций) реципиента. Такими образом возникает смысловая поливалентность текста и он превращается в метанарратив, конституирующий свою смысловую свободу.*

Ключевые слова: *метанарратив, абдукции, субкоды, индетерминации, пресуппозиции, идеологемы, семиоз, фреймы, дискурс.*

Abstract: *the article analyzes the problem of identifying the subjects of communication, as well as the process of generating communication itself and semantic intentions. Semantic codes, subcodes can participate in various sociocultural circumstances. The message can be presented as a text different from the premises (abductions) of the recipient. Thus, the semantic polyvalence of the text arises and it turns into a metanarrative, constituting its semantic freedom.*

Key words: *metanarrative, abductions, subcodes, indeterminations, presuppositions, ideologemes, semiosis, frames, discourse.*

Художественно-повествовательный текст представляет собой яркое начало, где «уживаются» самые разные факты и контрфакты, абдукции и пресуппозиции. Но и в искусственных, и в естественных текстах следует отметить наличие процесса коммуникации Автор – Адресат. Исходя из этого, можно предположить, что цепочка Автор – Адресат включает в себя и другие разного рода сопутствующие ступени. Разные исследователи предлагают разные решения. И вопрос выделения субъектов коммуникации представляется в современных научных дисциплинах по исследованию текста одним из наиболее важных вопросов [1]. Теория информации предлагает следующую стандартную модель коммуникации: Отправитель – Сообщение – Адресат. Сообщение порождается Отправителем, а Адресат в процессе коммуникации при получении его интерпретирует. И Отправитель, и Адресат действуют исходя из определенного Кода, общего для них обоих. Однако данная модель не описывает адекватно действительные процессы коммуникативного взаимодействия. В процессе коммуникации могут одновременно участвовать различные коды и субкоды, сообщение может порождаться и восприниматься в различных социокультурных обстоятельствах (коды Адресата могут отличаться от кодов Отправителя), Адресат может иметь свои собственные предполо-

жения, отличные от изначально заданных посылок Отправителя («пресуппозиции») и строить объяснительные гипотезы («абдукции»). Следствием подобной логической цепочки является превращение Сообщения в некое выражение, наполненное произвольным смыслом, не тождественным вложенному в него Отправителем. Оно превращается в пустую форму, куда могут быть внесены различные смыслы и не более того.

Сообщение предстает как некий текст, состоящий из целого ряда многовариантных сообщений, закодированных различными кодами и функционирующих на разных уровнях сигнификации. Подобный коммуникативный акт можно представить в виде следующей схемы:

Отправитель – закодированный текст (сюда же включены коды и субкоды) – *канал передачи* (устный/письменный) – *текст как выражение* (сюда же входят контекст и обстоятельства) – *Адресат – интерпретированный текст* как результат коммуникации.

Следует отметить, что и для Отправителя, и для Адресата характерно использование (они «включены» в их индивидуально-предметный мир) различных кодов и субкодов, а также учитывание контекста и обстоятельств коммуникативного акта. Сюда же следует добавить усилия Адресата по «реконструкции» кода Отправителя, куда входят «ошибочные» исходные предположения, идеологические пристрастия, случайные коннотации. Таким образом, становится очевидным факт отсутствия прямой коммуникации, т. е. непосредственно ясной передачи смысла Сообщения от Отправителя к Адресату.

Данная схема представляет не какой-либо особый процесс интерпретации текста, но семантико-прагматический процесс вообще. Если говорить об открытости или закрытости текста, то это возможно лишь в результате игры на свойствах общего процесса коммуникации. Исходные «ошибочные» предположения и «отклоняющие» обстоятельства указывают не на открытость процесса, а наоборот, подчеркивают состояние индетерминации в процессе коммуникации.

Создавая текст, Автор применяет ряд кодов, приписывающих используемым им выражениям определенное содержание. Он исходит из того, что у его Адресата (т. е. предполагаемого Читателя) наличествуют подобного же рода коды. Иначе говоря, Автор имеет в виду некую определенную модель Читателя, к которому обращает свой текст, надеясь, что он сможет интерпретировать воспринимаемый смысл точно так же, как его замыслил Автор.

Каждому типу текста соответствует самая общая модель Читателя, складывающаяся по следующим характеристикам:

- 1) определенный языковой код;
- 2) определенный литературный стиль;
- 3) определенная тематика текста;
- 4) определенная культурная детерминация;
- 5) определенная поэтика текста.

Весьма часто текст содержит эксплицитную (явную) информацию, кому он адресован (детская литература, профессиональная литература и

т. д.). Это может выражаться в прямом обращении к Адресату текста или может быть представлено в качестве не прямых аллюзий в самом тексте (косвенные отсылки к различного рода литературным произведениям, персонажам и т. д.). Вместе с тем текст создает определенную компетенцию своей модели Читателя. Отсюда можно предположить, что хорошо организованный текст предполагает хорошо организованный тип компетенций, имеющий «внетекстовое происхождение», но также сам способствует тому, чтобы создать текстовыми средствами необходимую компетенцию.

Данная схема представляет идеальные отношения коммуникации Автор – Читатель. В действительности же в процессе коммуникации текст часто интерпретируется с использованием кодов, отличных от тех, которые имел в виду Автор. Некоторые писатели не учитывают такой возможности. Они исходят из представления о «среднестатистическом адресате в заданном социальном контексте» [3, с. 19]. Однако здесь как раз и таится опасность ложного декодирования текста: ведь «среднестатистический» Читатель не совпадает, как правило, с Читателем реальным. Отсюда возникают разночтения и всевозможного рода непредсказуемые интерпретации читательской аудитории, перерастающие в новые формы социальных мифов и идеологем (например, произведения О. Робски). Каждое прочтение любого текста есть его независимое от других прочтение, не совпадающее с ожиданиями Автора или самого Адресата (переменная пресуппозиций). Таким образом, Автор выступает как «некий философский стиль, а его идеальный читатель не что иное, как интеллектуальная способность воспринимать этот стиль и соучаствовать в его актуализации» [там же, с. 25].

Современные семиотические теории, разрабатывая модели «идеального» текста, обычно представляют его состоящим из различных структурных уровней, которые так или иначе понимаются как идеальные стадии процесса его порождения и/или интерпретации. Можно представить следующую схему уровней текстопорождения:

- 1) порождение выражения (линейная манифестация текста);
- 2) включение кодов, субкодов и интертекстуальных фреймов;
- 3) включение информации об отправителе, времени и социальном контексте сообщения;
- 4) актуализация содержания, определение топики и уточнение фреймов;
- 5) формирование фабулы, утверждение героев и событий;
- 6) возникновение элементарных текстовых идеологем;
- 7) актуализация единой возможной текстовой целостности.

Данная схема весьма условна, но, на наш взгляд, она призвана отразить в общих чертах процесс текстопорождения в целом. Каждый из вышеприведенных уровней, в свою очередь, может подразделяться на целый ряд более мелких, а те – дифференцироваться на множество различных подуровней.

Линейная манифестация текста отражает его лексемную поверхность. Читатель применяет к воспринимаемым выражениям заданный

код или систему кодов и субкодов для преобразования этих выражений в первые уровни содержания. Таким образом, на выходе осуществляется образование некоей информации, несущей определенную смысловую нагрузку и претендующей на звание текста.

Текст может быть открытым (т. е. допускающим многовариантность интерпретации) и закрытым (ведущим Читателя, навязывающим свое собственное единственно верное его истолкование, имеющим моно-смысл). Эстетическая диалектика открытости/закрытости текста зависит от базовой структуры самого процесса интерпретации. А эта структура оказывается возможной благодаря системе кодов и субкодов. Семантическое пространство – внутренне противоречивое по своей природе и регулируемое конституирующим его механизмом неограниченного семиозиса – может быть организовано только посредством сотворческой деятельности читателя, актуализирующего данный текст.

Читатель осуществляет свою свободу:

- а) решая, как активизировать тот или иной текстовый уровень,
- б) выбирая, какой код применить [3;75].

Возникает вопрос, на каком именно уровне те или иные тексты требуют от Читателя решительного сотворчества. Различные тексты характеризуются тем, на каком уровне они преимущественно могут быть открыты. Закрытые тексты характеризуются декламацией гиперкодирования литературных общих мест, линейная манифестация текста и структура дискурса остаются теми же. Те тексты, которые способны доставлять наслаждение неисчерпаемым потенциалом своего плана выражения, преуспевают в этом потому, что были изначально ориентированы на «своего» Читателя, т. е. собственный круг читательской аудитории по определенным ценностно-смысловым аспектам. Они были созданы с единственной целью: побуждать Читателя к воспроизведению их собственной самодеконструкции на путях свободного и многообразного интерпретационного выбора. Однако текст может быть использован и для личных размышлений и художественных зарисовок, отсекающих все ненужные уровни значения и применяя к плану выражения все «ошибочные» коды (коды заблуждения). Таким предстает, по мнению У. Эко, «ложное приглашение к сотворчеству» [3, с. 80]. В этом случае Отправитель дает Адресату ложные «ключи» (подсказки-указания), подталкивая его к сотворчеству, но уводя его на ложный путь. В конечном пункте повествования ни одно из ожиданий читателя не оправдывается, но он уже зашел слишком далеко и «сотворил» новое повествование на основании своих несбывшихся смыслоожиданий. И здесь автор начинает «играть» с читателем, как будто его предположения отчасти и верны [2]. С точки зрения прагматики подобное повествование является примером, повествующим о прагматических процедурах порождения и интерпретации текстов.

Таким образом, следует провести линию демаркации между свободой интерпретационного выбора (стимулируемого осознанной стратегией открытости) и свободой читателя, обращающегося с текстом как со

стимулом для собственных фантазий. На таком уровне текст превращается в метанарративный текст, подчеркивающий свою неоднозначность и поли-смысловую направленность. Примером такой «игры» является постмодернистский текст. Суть постмодернистского произведения в том, что его смысл – это симулякр, его отсутствие. Автор играет с читателем, разыгрывая пустую карту [4]. Игра – вот основной ключ к пониманию постмодернистской прозы. Постмодернизм – это игра, правила которой устанавливает каждый игрок для себя самостоятельно. Произведение становится формой для художественного текста, а поскольку нет авторской идеи, объединяющей все сюжетные линии вокруг одной или нескольких проблем, оно уже не моноцентрично. На первый план выходит текст произведения. Само произведение превращается в условность. Задача понимания упрощается: сознанию не нужно «утруждать» себя, доискиваясь до «истины в последней инстанции» – она находится в тексте. Читая, реципиент должен настроиться на отдых, не думать, не сопереживать, не углубляться, пытаясь за знаком рассмотреть его сущность, а наслаждаться текстом, образами и представлениями и не забывать, что все это – игра. Художественное произведение может иметь несколько концовок, несколько вариантов развития судьбы героя. Примером может служить роман Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта». Автор представляет для понимания своеобразное литературное «меню», облаченное в форму литературного произведения. Читатель выступает как соавтор художественного текста, поскольку данный художественный текст можно назвать гипертекстом, т. е. основанным на многократном и нелинейном прочтении.

Итак, возвращаясь к изначальной схеме, в коммуникативном акте есть Отправитель (Автор), Сообщение и Адресат (Читатель). Их взаимодействие осуществляется в процессе развертывания метанарратива во времени и пространстве. Сообщение (текст) проходит различные этапы, прежде чем достигнет Адресата. Конечный смысл (смысл на выходе) оказывается, по преимуществу, не тождественным изначальным заложенному Отправителем смыслу. Открытые и закрытые тексты по-разному интерпретируют роль читателя в процессе их сотворчества. Открытые тексты предполагают поли-смысловую направленность текста, прямое со-трудничество читателя и текста в процессе развертывания его интерпретации. Закрытые тексты «ведут» читателя в том заранее предусмотренном русле, которое не допускает излишней вольности в их истолковании. Процесс текстопорождения имеет множество различных уровней и подуровней, представляющих логическую цепочку их развертывания в пространственно-временном континууме. Таким образом, на определенном этапе коммуникации текст превращается в метанарратив, конституирующий свою свободу и многосмысловую направленность. Подобного рода предположение позволяет по-новому взглянуть на процесс текстопорождения и процесс коммуникации. Это относится к повествовательным текстам. Исходя из этого, меняется и роль читателя.

Литература

1. Косиков Г. К. Структура и/или текст. Стратегии современной семиотики // От структурализма к постструктурализму. Французская семиотика.-М.:Прогресс,2000.
2. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М. : Прогресс, 2000.
3. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Перев. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – Спб.: Симпозиум, 2005.
4. Эпштейн М. Постмодерн в России : Литература и теория / М. Эпштейн. – М. : Издание Р. Элинина, 2000.

Воронежский государственный университет

Рубцова С. П., кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

E-mail: neznamovasp@mail.ru

Voronezh State University

Rubtsova S. P., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Ontology and Epistemology (Cognitive Theory) Department

E-mail: neznamovasp@mail.ru